

Глеб Иванович Успенский

«Дохнуть некогда»

Глеб Успенский
«Дохнуть некогда»

«Public Domain»

1889

Успенский Г. И.

«Дохнуть некогда» / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1889

«...земство, которое, на памяти у всех, задирало нос против всякой кокарды и наострилось выговаривать слово «администрация» таким тоном, которым прямо вызывало на личное оскорбление, дошло теперь до такого падения и низости, что, поминутно кланча у той же администрации о содействии, о помощи, особливо при «взысканиях», не в силах настолько поддержать свой авторитет в среде плательщиков, чтобы доставить этой самой администрации, единственной добычнице земской копейки в земские сундуки, помощь в самых элементарных вещах: ездить, взыскивать, шуми, бранись, неистовствуй – этого земство желает; а вот устроить так, чтобы исправник, мировой, судебный пристав могли ехать каждый по своим делам и на отдельной подводе, – не может! Средств нет! Было прежде шесть троек на земской почте, а теперь только три, – вот и приходится какому-нибудь административному органу иногда по полусуток сидеть на вокзале, ждать другого административного органа, чтобы ехать вместе, хотя у каждого органа своя часть...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

«Дохнуть некогда»

1

– Тоже, чорт бы их побрал, земство называется, самоуправление! Трясись вот тут, на облучке, как калика какая перехожая!.. Все нутро-то выколоти, пока доедешь до волости... Только бы себе в карман хапнуть... дьяволы этикие!

Такие, не вполне резонные, но зато уж вполне сердитые слова говорил судебный пристав Апельсинский, сидя на облучке земской телеги и трясясь на ямах и колдобинах плохой земской дороги, местами покрытой еще не растаявшими пластами льда, местами, напротив, обильной полосами глубокой и жидкой весенней грязи. Пристав Апельсинский потому попал на облучок, что задние места той же самой земской телеги были заняты исправником и мировым судьей; желая вести беседу со своими спутниками, Апельсинский сидел на облучке задом к дороге и благодаря этому не имел возможности принять какой-нибудь предосторожности против неудобства дороги, почему и должен был поминутно прерывать свой разговор сердитыми и негодующими восклицаниями.

– Да осторожнее ты, братец! – вопиял он к ямщику. – Ну что ты гонишь на рытвинах и ухабах?... Авось успеешь... Вы тут, право, с вашим разиней-земством с ума спятили совсем... Деньги дерут, а в результате – извольте-ка вот поездить таким манером... Вот! Вот! Ну, брат, ты мне положительно спину переломишь... Это называется земство! Земский тракт! Ах, анафемы!..

Исправник и мировой судья, хотя и не поддерживали гласно мнений своего спутника, но, несомненно, глубоко ему сочувствовали. Судите сами: земство, которое, на памяти у всех, задирало нос против всякой кокарды и наострилось выговаривать слово «администрация» таким тоном, которым прямо вызывало на личное оскорбление, дошло теперь до такого падения и низости, что, поминутно клянча у той же администрации о содействии, о помощи, особливо при «взысканиях», не в силах настолько поддержать свой авторитет в среде плательщиков, чтобы доставить этой самой администрации, единственной добычнице земской копейки в земские сундуки, помощь в самых элементарных вещах: ездить, взыскивать, шуми, бранись, неистовствуй – этого земство желает; а вот устроить так, чтобы исправник, мировой, судебный пристав могли ехать каждый по своим делам и на отдельной подводе, – не может! Средств нет! Было прежде шесть троек на земской почте, а теперь только три, – вот и приходится какому-нибудь административному органу иногда по полусуток сидеть на вокзале, ждать другого административного органа, чтобы ехать вместе, хотя у каждого органа своя часть.

Конечно, если бы все три административных органа, восседавших на одной земской подводе, могли и желали вспомнить прошлое этого ныне падшего в их глазах земства, они бы знали, что уже давным-давно само земство предвидело и публично заявляло о неминуемом своем падении, если только вместо простого, но существенно важного для народа дела оно принуждено будет ограничиться канцелярской суетой и вместо «дела» только бумагой, – конечно, повторяю, если бы рассерженные представители администрации помнили все это, они бы не удивились тому, что вместо трех троек им еле-еле удалось получить одну, а вместо «тракта» – ямы и лужи грязи. Но представители администрации не помнили этого; у них и у самих было довольно всяких душевных невзгод, вытекавших также из не вполне успешной, хотя и суетливой деятельности, и вот почему они вполне сочувствовали негодованию Апельсинского, который между тем продолжал свои речи таким образом:

– Езди вот для них день-деньской, как чорт какой-нибудь! Все бока-то переломал, ей-богу, право! И так-то уж, чорт знает, что за должность... получай да получай, а что с них возьмешь? Да и тут-то иной раз трясешься, как бы только господь сохранил в живых... ни дорог, ни мостов... ложись да умирай! Я намерен ездить также вот с исполнительным листом в деревню Незамайку... Так что ж вы думаете? Один день я всего-то и проездил, а чего-чего не натерпелся!.. Из города выехал я, конечно, честь-честью – в вагоне, по железной дороге, во втором классе... Проехал до станции Масловки как следует, по-человечески... Из Масловки тоже не совсем по-свински; положим, что пароходишко еле-еле дышит, сто раз на мель садится в час, ну все ж таки; спросил закусить – подали карту, и на ней написано: «Шато-Бреян»... Ну, давай, какое оно там!.. Все-таки как будто в человеческом обществе... Но вот как пристали к берегу, тут и начало-ось! Сначала повез меня мужик парой в телеге... грязь по ступицу... драл, драл мужик лошадей. «Нет, говорит, надо перепрячь!» Еле-еле добрались до Осиновки, пересел в «беду», в двухколеску; поплелись лесом – то есть сущее божеское наказание! Нашвыряны по болоту бревна на аршин одно от другого, то в яму упадем, то на бревно еле влезем... Бились, бились – три версты пять часов ехали. «Нет, барин, неспособно так-то!» – говорит ямщик. «А как же быть?» – «А уж надеть верхом!» Что тут, делать? Бросили «беду», сели вдвоем на клячу, дули, дули ее и в хвост, и в голову, прошла две версты и стала, хоть убей, ни с места! Ни назад, ни вперед; да и точно: затянулась клячонка... «Как же быть?» – «Уж и не знаю, барин!» Попробовал я пешком, провалился по шею! Как есть в полном смысле слова! Даже портфель с повестками едва не утонул... «Ну вот что, барин, – говорит мужик, – лошаденку надо бросить, пушай отдохнет, а ты уж садись на меня верхом, делать нечего; авось я кое-как да кое-как доволочу твое благородие по пням-то до лесного объездчика, а там, пожалуй, и лошадь добудем...» Ну что вы будете делать? Сел. Взобрался ему на плечи! «Ну-ко, господи, благослови!» У мужика-то палка – прет! С кочки на кочку, раза два оба чубурахнулись кубарем, ну, однако, не дошли! Захрипел мой мужик, шапку снял, мокрый весь... «Нет, говорит, господин, неспособно! Как бы, пожалуй, жила какая не оборвалась; пожалуй, помрешь!..» Нечего делать, слез я с мужика; стояли, стояли в грязи и уж совсем не знали, что делать! Хоть пропадай! Говорю: «Как хочешь, а доставай мне лошадь! Иди в деревню пешком, неси повестку старосте, а я буду здесь ждать!..» А заметьте, вечер, седьмой час; я вспотел, а уж крепко морозит... того и гляди тиф. Ну, пошел мужик. Остался я один в лесу. Жутко! Волки в эту пору стадами шляются. Думал, думал, вскарабкался на дерево, сижу! Да до глухой полночи проторчал на суке-то с портфелем, покуда уж к свету мой мужик приехал на подводе и уж кое-как доплелись до пароходишка... Конечно, я воротился опять по железной дороге. Иной и подумает: «Ишь, разъезжает на бархатных подушках!» А поди-ка, попробуй поездить-то!.. Да хорошо бы, ежели бы толк был, а то толку-то нет! Чего с них возьмешь? Им, незамаевским-то мужикам, и самим есть нечего, чего с них возьмешь? А поди-ка, оставь, не исполни, так ведь корреспонденцию такую отпечатают – любо-два... Дохнуть некогда, а из-за чего бьешься, сам чорт не разберет! Ведь вот я чуть было в лесу не умер, ведь волки налетели бы стаей, так костей бы не осталось, а иди, тащи бумагу за тридевять земель. Кулачишка какой-то, изволите видеть, взыскивает с них тринадцать с полтиной за сено; сено, вишь, у него растащили, у негодяя... Да кабы у меня не хозяйство, так я бы сам его, анафему, в тюрьму бы заточил... Я его знаю, что это за живодер... А вот между тем сидишь на дереве, трясешься, что волки слопают... Я ведь тоже не палач какой-нибудь, понимаю, что нечего им есть, неурожай, а поди-ка!..

– Это верно, вашескобродие, – неожиданно произнес ямщик, – неурожай у нас, вот главная причина. Тут уж и хлопотать-то не из чего, верно вам докладываю... То есть чисто ни зерна, ни сена клока. Теперь вот, изволите видеть, снег еще не стоял, а уж мы гоняем скотину в поле.

– Да ведь там ничего нет! – заметил кто-то из трех седоков.

– Да именно и нету ничего.

– Так что ж она ест-то?

На этот вопрос ямщик сначала засмеялся, а потом вдруг снял шапку, перекрестился и сказал:

– Вот перед истинным богом, как есть, как перед создателем, говорю, то есть пес ее знает что она там ест... И ежели вам угодно, чтобы, например, можно было утвердить, что она ест, так неизвестно, что такое: идет в поле – брюхо пусто, как мешок болтается, а назад идет – эво как раздуло! А чтобы, например, сказать, что такое, так даже понять этого невозможно.

– А все-таки набьет брюхо-то?

– Набьет-с! Умереть на месте, а что набьет брюхо... Разопрет его вот как! а в чем именно заключается, никто не может понять. Мох, что ли, она там роет какой, глину ли какую жует, – этого никаким способом не можем понимать... То есть иной раз даже смеху достойно.

И ямщик действительно засмеялся, прибавив:

– Вот извольте посмотреть, ведь вот вся тройка существует почитай что неизвестно чем, а ведь бежит-с!

И в доказательство полной непостижимости обсуждаемого факта ямщик тронул возжами, хлестнул по всем по трем и, промчав своих седоков с полверсты по ухабам и грязи, обернулся к ним с удивленным лицом и сказал:

– Ведь ишь как орудуют! а какая такая пища им способствует – неизвестно... Истинно, надо быть, только что господь нам помогает, питает скотину по премудрости своей. Все кое-как дышишь, а то бы...

– Да! – почему-то с некоторой укоризной проговорил Апельсинский. – Вам вот все как-то господь помогает, а ты поди-ка в нашу шкуру влезь! По-вашему, «господа, господа – невесть что такое», а поди-ка, попробуй... У вас вот тут неурожай, – это мы отлично и без тебя знаем, – а лошадь-то вон у тебя все-таки, как-никак, бежит... Чем она сыта – тебе это неизвестно, а ты все-таки в телегу ее запряг да поехал на станцию, да пассажира посадил, – вот у тебя рубль или полтинник и есть.

– Да только что тем и дышим, перед богом ежели сказать!

– Да! Однако дышишь. А ты поди-ка, поживи-ка без божьей помощи, да чистые денежки отдай за каждую малость, так не так бы запел. Неурожай, неурожай! Я вот хорошо знаю, что неурожай у вас, и ничего нет, и есть нечего, однако еду, мучаюсь, на дереве вон чуть не замерз, а знаю, что без толку.

– Так чего уж беспокоиться-то? – робко спросил ямщик. – На дереве, в лесу – это тоже очень мудро. И верно, что волки ходят. Сохрани, господи, от этого! Так я так думаю: ежели уж неурожай, например, божеское наказание, так мне, примером сказать, на дерево с бумагой лезть? Да волки еще съедят. А что толку-то?

– Да и без тебя я знаю, что толку никакого нет и не будет, да вот, видишь ли, в чем дело: у меня, друг любезный, шестеро ребят, да как разинут они рты с утра, так как, по-твоему, будут они сыты, ежели я их в поле выгоню: «Набивай, мол, ребята, брюхо, чем вам будет угодно, что, мол, вам бог даст?» Как ты об этом полагаешь?

– Господи, помилуй! – сказал ямщик с удивлением. – Кажется, мы можем понимать...

– То-то и есть! Так тут полезешь на дерево. «Господь помогает!» Нет, у нас, брат, нету этого, а отворяй кошелек да деньги вынимай... Да и тут еще, бьешься, бьешься хоть бы с ребятами одними, а и то... неизвестно еще, что выйдет... Ошибся твой сын в склонениях или там в спряжениях, наказали его, нагрубил он – и убирайся на все четыре стороны. Все и пошло прахом. Куда его пристроишь? Везде и так битком набито народу. И ты-то не справишься с головой, да и он-то тоже очумелый ходит. Иной глядит, глядит, да и пустит пулю в лоб... Много таких случаев было... А ты после всех твоих хлопот да забот остался только что в дураках... Нет, брат! Это вы тут, полушубники, про нашего брата судачите: «Баре да баре; готовые деньги берут, ездят взад и вперед, а толку нет», – а ты поди-ка, в нашей шкуре посиди, давно бы уж; волком взвыл.

– А много ль у тебя на шее народу-то? – спросил Апельсинского исправник.

– Да ежели все рты сосчитать, так, пожалуй, человек пятнадцать, а то и больше наберется... Сколько одних стариков да старух, да все крепкие, бог с ними... Так вот тут и подумаешь, да не только что на суку готов, как птица, сидеть, а придется, так и летать начнешь по воздуху, а как принажмет семья, так и нырять начнешь, как торпеда какая под водой... Нет, брат, нам господь не поможет! У нас, брат, «купи», а так, чтобы брюхо набить неизвестно чем, этого у нас нет... Вот и вертишься, как бес перед заутреней... Да еще неизвестно: это теперь человек пятнадцать сидит на шее, а может, и еще бог пошлет... Это еще неизвестно!

– Так ты бы того, – не без иронии проговорил исправник. – Ты бы прекратил...

– Чего прекратил?

– Да, то есть распространение-то, например.

Апельсинский пристально посмотрел на исправника, помолчал и, наконец, проговорил, понизив голос:

– А ты-то, сам-то, прекратил уж, поди?

Исправник захохотал. Захохотал и извозчик и, стегнув лошадь, проговорил:

– Прекратишь, как же!

– Ну так нечего и болтать! Вон Арапкин-то, сам, чай, знаешь, почти что совершенно ошалел от этого самого многолюдства, а поди-ка, заикнись ему. «И не знаю, говорит, что будет: дети да дети, а окончания не предвижу!» Уж и я-то ему сказал: «Ты бы, говорю, поосторожней!» А он что мне на это ответил? «Поди-ка, говорит, попробуй! У меня жена с детства воспитана в таком мнении, что она пикантная женщина. «Я, говорит, пикантная!» А пикантная-то, что такое означает? Знаешь ли ты это? А пикантная-то то означает, что «чуть что», ан она и делает каламбур с офицером, вот тебе и сказ!» Так Арапкин-то и говорит: «По этому, говорит, случаю я и должен продолжать... и единственно, говорит, из-за одного реноме, а то бы, говорит, давно уж надобно бога вспомнить!.. Потому что, говорит, случись этакой какой-нибудь эпизод, сейчас осмеют, пойдешь дураком, и с места согнать не поцеремонятся. Только, говорит, единственно из-за одного реноме!» Реноме-то оно реноме¹

¹ Доброе имя (франц. *renomée*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.